

ЖИВАЯ СТАЛЬ

ОН УЧИЛСЯ
ХОДИТЬ ЗАНОВО,
ЧТОБЫ ДРУГИЕ
НЕ СБИЛИСЬ
С ПУТИ

Павел Евдокимов

Офицерская честь

Павел Евдокимов

Живая сталь

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Евдокимов П. А.

Живая сталь / П. А. Евдокимов — «ЭКСМО»,
2026 — (Офицерская честь)

ISBN 978-5-04-246775-2

ЕСЛИ ВАМ КАЖЕТСЯ, ЧТО ВАША ЖИЗНЬ ЗАШЛА В ТУПИК, – ОТКРОЙТЕ ЭТУ КНИГУ. Первый бой для младшего лейтенанта стал последним. 1941 год. Госпиталь на Селигере. Юре Пушкину всего девятнадцать. У него нет ног. У него нет рук. Война забрала у молодого красивого парня всё, оставив только безумную боль и право умереть. По всем законам логики, его будущее – это дом инвалидов, стакан водки и забвение. Это история о невозможном. Он научился ходить на протезах, когда врачи отводили глаза. Он научился писать, зажимая ручку культиями, когда в это никто не верил. Он сел за руль автомобиля и стал мужем самой прекрасной женщины, которая увидела в нем не калеку, а Титана. **ОН СТАЛ СУДЬЕЙ.** В зале заседаний вставали все. А он, сидя в своем кресле, без рук и без ног, возвышался над каждым, кто был цел физически, но слаб духом. Его боялись не только преступники – его боялся сам дьявол отчаяния. Этот роман – не выдумка. Это документальное свидетельство триумфа человеческой воли. Это пощечина собственному малодушию и гимн силе духа. Прочтите эту историю. Пройдите вместе с героем по «Калинову мосту» над бездной смерти. И вы поймете: пока вы живы – ничего не потеряно. **НЕВОЗМОЖНОГО НЕ СУЩЕСТВУЕТ.**

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-246775-2

© Евдокимов П. А., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Предисловие заслуженного юриста России Генриха Падвы	7
Авторское предисловие	9
Пролог	12
Глава 1	14
Глава 2	17
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Павел Анатольевич Евдокимов

Живая сталь

© Евдокимов П., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Предисловие заслуженного юриста России Генриха Падвы

В здании юридической консультации, в которой я работал в Калинин (ныне Тверь), был расположен один из судов Калинина. У нас, конечно, были разные помещения, у них залы совещательные, а у нас две комнатки адвокатов.

Необходимо сказать, что тогда между судьями и адвокатами отношения были значительно проще, мы могли свободно общаться друг с другом, даже дружить, и ни у кого это не вызывало подозрений во взятках или подкупе, которые действительно в то время были редки среди адвокатов и судей.

И вот однажды в помещении этого суда слушалось дело женщины под экзотической фамилией Ганнибал. Ее защищал московский адвокат, приехавший в Калинин с надеждой на то, что он сумеет командовать судьей. Эта его надежда была связана с тем, что у его клиентки была фамилия не просто экзотическая, а связанная с семьей А. С. Пушкина. Как известно, у Пушкина один из предков был Абрам Петрович Ганнибал.

И вот во время процесса в мой кабинет входит взволнованный коллега из Калининской коллегии адвокатов и говорит: «Вы знаете, какое ходатайство заявил сейчас московский адвокат?» Я отвечаю, что не имею понятия. «Он потребовал от судьи Пушкина заявить самоотвод на основании того, что, скорее всего, он является родственником с подсудимой». Тогда я решил послушать, как дальше будут развиваться события в суде.

Как выяснилось, после заявления такого ходатайства суд объявил перерыв на некоторое время, а после перерыва Юрий Николаевич Пушкин с полным достоинством сделал заявление, буквально такое: «К большому сожалению, я не являюсь родственником нашего великого поэта А. С. Пушкина и тем более никакого отношения к его предкам по фамилии Ганнибал я не имею».

Затем суд, естественно, отклонил отвод, который был заявлен адвокатом, и дело спокойно продолжилось.

Я помню, что тогда еще меня поразили чувство собственного достоинства, уверенность, спокойствие, которые проявил Ю. Н. Пушкин в ответ на такое, на мой взгляд, нелепое ходатайство, и как красиво он повел себя.

К этому времени я совсем мало знал Ю. Н. Пушкина. Я, конечно, знал о том, что он судья Калининского областного суда, о том, что на фронте он потерял обе руки и обе ноги, и, естественно, восхищался его волей, мужеством и способностями, давшими ему возможность, несмотря на такие ограничения, окончить институт, стать судьей, и не просто судьей, а одним из лучших судей в Калининской области.

Юрий Николаевич обладал ясным умом, прирожденным чувством справедливости, смелостью, что было важно для судьи, который мог подвергаться воздействию сторон и власти.

Первоначально мое знакомство с Юрием Николаевичем было очень поверхностным, но я не мог, как и многие другие, не восхищаться его силой воли, разумностью, высокой компетентностью.

Эти его качества особенно проявились в деле по обвинению моей подзащитной в убийстве женщины. Это дело было одним из самых громких за многие годы не только у Юрия Николаевича, но и у многих других судей Калининской области. Мне пришлось участвовать в этом деле в качестве защитника. Юрий Николаевич в этом деле проявил себя в высшей степени достойным судьей.

В дальнейшем судьба-злодейка свела нас в связи с трагическими обстоятельствами. В один из ужасных вечеров рецидивистом и пьяницей было совершено нападение на сына Юрия Николаевича, в результате которого тот погиб.

Когда его судили, Юрий Николаевич и Калининский областной суд обратились с просьбой в Калининскую областную коллегия адвокатов о выделении меня в качестве представителя потерпевшего, каковым был признан Юрий Николаевич Пушкин по этому делу.

Во избежание конфликта интересов дело было передано из Калининского областного суда в Московский областной суд, и там я защищал интересы Юрия Николаевича. Убийца его сына был осужден и признан виновным в убийстве.

В связи с ведением этого дела я, естественно, ближе познакомился с Юрием Николаевичем, его женой Катей и его дочерью Аллой. Сына я тоже немного знал, он к моменту своей гибели окончил Калининский медицинский институт.

Юрий Николаевич однажды незадолго до трагической гибели сына говорил мне о том, что как хорошо, что сын подрос и может теперь реально помогать ему в жизни, в уходе за машиной и во многих других случаях. Я думаю, что безвременная гибель сына немало повлияла на состояние здоровья Юрия Николаевича, у которого и без того сердце было довольно слабое.

Я очень рад, что нашлись люди, которые создали документальный фильм и написали прекрасную книгу-памятник о замечательном человеке, который сумел преодолеть все трагические сложности судьбы и остаться человеком с большой буквы, одним из лучших судей, которых я во множестве узнал за 70-летие работы судебным адвокатом.

Авторское предисловие

Был тихий, спокойный московский вечер, когда в моем доме раздался телефонный звонок:

– Привет! Я тут подумала, ты обязательно должен написать о Пушкине.

Звонила Юлия Горюнова, режиссер нескольких наших совместных документальных фильмов.

– О Пушкине? Не моя тема.

– Я о другом Пушкине, Юрии Николаевиче, – самом принципиальном судье в Советском Союзе. На войне он потерял и ноги, и руки.

Горюнова прислала документальный фильм «Судья Николаевич Пушкин», который компания Goodline (Кемерово) создала вместе с Кемеровским областным судом. Его представили общественности весной 2024 года.

Так в мою жизнь вошел этот уникальный человек, поразивший до глубины души.

Все, кто общался с Юрием Николаевичем, кому довелось знать его по работе в Кемерове и Калининне (Твери), находились под большим впечатлением от его личности.

Первая и единственная книжка, рассказывающая о Юрии Пушкине, вышла в свет в 1959 году – «Маленькая повесть о большом мужестве». Она написана в стилистике той эпохи, местами наивная, но душевная, искренняя.

Ее автор, Олег Моисеев, встречаясь с Юрием Николаевичем, собрал уникальные биографические сведения, без которых повесть «Живая сталь» не состоялась бы вовсе.

Экземпляр этой замечательной книжечки сохранился в личной библиотеке Аллы Юрьевны, дочери Пушкина. Спасибо ей! И спасибо за все, за память об отце.

Пушкин начинал свою работу в суде на сибирской земле, в Кемерове, поэтому и «точка сборки» повести – Сибирь.

Хотя резонансное дело об убийстве женщины, которое он разбирает (вместе с адвокатом Генрихом Падвой), происходило в Калининне, но в романе эта сюжетная линия перенесена в Кемерово. Да простят меня тверичи! Но формы художественного произведения позволят такую вольность.

Так, к слову, поступил Борис Полевой в своей знаменитой «Повести о настоящем человеке». Однако главное – основные вехи в биографии героя, как и сам подвиг Героя Советского Союза Алексея Маресьева, вернувшегося на фронт, ставшего летать, несмотря на ампутацию ног, автор сохранил в точности, как и было на самом деле.

Пушкина, к слову, в Кемерове и Калининне называли «наш Маресьев».

Но у Алексея Петровича не было ног до голеней, а Пушкину ампутировали и ноги (выше и ниже колена), и кисти... Приговор судьбы, который, однако, его не сломил.

Когда Владимир Цветков (будущий глава Калининского областного суда) узнал, какой у него будет новый коллега, то поначалу ответил отказом.

– Чего греха таить. Я не хотел брать на работу Юрия Николаевича. Поймите правильно. Тогда я руководил областным Управлением юстиции. Звонит заместитель министра. Говорит: есть решение рекомендовать товарища Пушкина членом областного суда. Правда, у него такие-то физические недостатки. Но окончил Высшие курсы усовершенствования юристов в Москве и характеристика из Кемерова очень хорошая. Я ни в какую. Думаю, будет числиться, а работают за него пусть другие.

Дело дошло до министра. Звонит министр. Тогда я предлагаю Пушкина послать на более тихую работу – старшим нотариусом, тем более оклад тот же, что и у члена суда.

– Да пойми, – урезонивал министр, – ему не тихая заводь, а широкая, бурная река требуется. Штормы. Борьба. Деятельность. Он был и остался солдатом. Это только по виду инвалид.

Инвалид? Даже смешно. Ведь инвалид – человек, не способный к службе, к труду. По крайней мере, так словарь утверждает. А это богатырь, не только телом, но и душой. Добрыня Никитич. Кто, узнав его, посмеет назвать инвалидом? В общем, порешили сперва попробовать на работе в суде, ну, а если... тогда – в нотариальную контору.

И что же?

– Честно скажу: не жалею. Когда должно разбираться важное принципиальное дело, общественность требует: пусть председательствует Пушкин. Такой, как он, имеет моральное право судить.

Юрий Николаевич Пушкин ушел из жизни полвека назад – в 1976 году в возрасте пятидесяти трех лет. Но именно сейчас, в эпоху СВО, когда Россия, сражаясь с нацизмом, отражает агрессию коллективного Запада, личность Пушкина приобрела особое значение.

Своим подвигом Юрий Николаевич говорит, свидетельствует: несмотря на тяжелые ранения, несмотря на увечья, жизнь не заканчивается!

Пушкин прошел все круги земного ада и, выдержав, состоялся во всем: как профессионал, как семьянин, как отец.

Повесть «Живая сталь», по сути, обо всех нас, хотя и рассказывает вроде бы о конкретном человеке и делах давно минувших дней.

Война... Любовь, дружба. Предательство. Сила воли, сила духа. Верность Родине. Верность себе, избранному пути. Разве это все устарело? Конечно, нет.

Сибирь, Урал, Волжский край, центральная Россия – география повести. Но по масштабу событий она шире, охватывая одну шестую часть суши планеты Земля – страну под названием Советский Союз.

Юрий Николаевич возвращается, он вернулся к нам несказанно вовремя – как солдат, как профессионал и как настоящий человек.

Первым был документальный фильм. Потом сценарий художественной кинокартины. На его основе, но уже в сильно переработанном виде, появилась повесть.

Так получилось, что предисловие Генриха Падвы стало последней его творческой работой в жизни. Открыв в декабре 2025 года свой канал в «Телеграме», он с гордостью сообщил подписчикам: «Я сейчас пишу предисловие к повести судьбе Юрии Николаевиче Пушкине».

В предисловии приведено изначальное название повести, но на завершающей стадии, собрав фокус-группу, мы его сократили.

Завершил же Падва свой анонс такими словами:

«Эта повесть – не только история судебного процесса.

Это история человека, который, пройдя войну, боль и личные утраты, сумел сохранить главное – чувство справедливости и достоинство.

Именно об этом в повести “Живая сталь”.

О судьбе.

О времени.

И о профессии, в которой такие люди – редкость и ценность».

9 февраля 2026 года Генриха Павловича не стало, но он успел надиктовать свое предисловие. Не ушел из жизни без прощального поклона своему другу.

Повесть «Живая сталь» была завершена на старый Новый год, оставались небольшие доделки, уточнения.

Неожиданно в Сети обнаружился уникальный ролик 1940 года, посвященный предвоенному городу Кудымкару, где Юрий Николаевич учился и работал, откуда летом сорок первого ушел добровольцем на фронт.

Ролик завершается кадрами народного танца. То, очевидно, Коми-Пермяцкий ансамбль песни и пляски. Но именно в нем Пушкин был солистом.

Долго я всматривался в эти черно-белые кадры и уверен, что нашел его, что это именно он, Юрий Николаевич Пушкин, герой России, герой всех времен и народов.

Такого другого уже не будет. Как не будет и поколения людей, победивших в той войне. Но свет от них будет идти, пока существует Россия.

*«Если в жизни будет трудно,
не теряйтесь.*

Жизнь – сложная штука».

Ю. Н. Пушкин

Пролог

С милостыней сегодня непруха. И не то чтобы народу мало в пригородной электричке, но все какие-то жадные копилки: подают скупно, неохотно.

Люди, люди... И хоть бы кто улыбнулся, слово доброе сказал! Сидите как истуканы. Всем до лампы.

Так хмуро размышлял плохо выбритый мужчина, передвигаясь на костылях и деревяшке вместо ноги – грубой, с металлическим набалдашником внизу.

Стук-стук-стук.

Кажется, звук его «протеза» громче, чем мягкий перестук вагонных колес.

Глаза у просителя мутноватые и равнодушные.

Кепка, потертый, хотя и опрятный пиджак.

На пиджаке три нашивки за ранения: одна желтая, некогда золотистая, и две красные.

Нищий? Нет.

Попрошайка? Тоже нет.

Тогда кто?..

Просто «жизнь так сложилась». Вот, пожалуй, и весь ответ. Его ответ.

Инвалид зашел в первый вагон.

Стук-стук-стук.

«Вот эти могут подать», – прикинул он, глядя на семью, занявшую две лавки: широкоплечий дядька, миловидная женщина, очевидно, жена, и двое киндеров, мальчик и девочка.

– Граждане пассажиры! Подайте кто сколько может! – надал проситель.

Стук-стук-стук.

Глава семейства обернулся, глаза их встретились.

Но что это? У пассажира по два толстых пальца на обеих руках. Да и не пальцы это вовсе, а непонятно что. От рождения такого не бывает. Тут явно хирург поработал.

Человек на деревяшке замер.

– Ну что же ты не просишь у меня денег? – осведомился плечистый и глянул испытующе.

Тот замялся.

– Ты фронтовик?

– Да, фронтовик, – нахмурился человек на деревяшке, а потом спросил вызывающе: – А что?

– Я тоже фронтовик, – сказал пассажир. – Смотри, вот мои руки, – он показал свои изувеченные кисти с этими странными «пальцами». – Вот мои два протеза, – плечистый похлопал себя по ногам. – Вот моя семья: жена, дети...

– А я вот не смог... – вздохнул человек на деревяшке. И добавил жестко: – Не каждому же дано.

– Не каждому, – согласился пассажир.

Они помолчали.

– Воевал-то где? – осведомился плечистый.

– Да много где. Куда война бросала, там и вгрызался в земельку-то: от Москвы до Балтийских морей.

– В пехоте?

– В ней, родимой. Царица полей нас повенчала – кого с жизнью, кого со смертью. Ты этой краюшки, как я погляжу, лучше меня хватанул.

Проситель помолчал и тихо добавил:

- Ты уж прости меня, брат... Как вышло, так вышло, но обратно уже не воротить.
- За что прощать-то?

Молчала жена пассажира.

Киндеры тоже молчали. Ребенки! Но уже все понимают. Почти все.

Плечистый достал из кармана червонец.

- Возьмешь?

Человек на деревянной ноге мотнул головой:

- Нет, не возьму!
- Тогда вот тебе моя рука.

Рукопожатие вышло необычное, но крепкое.

Кивнув, ничего не сказав, человек на деревянной ноге развернулся и запрыгал в конец вагона.

Стук-стук-стук!

В глазах у фронтовика стояли слезы.

...Поезд прибывал на станцию города Кемерово, в столицу Кузбасса.

Вот и новый вокзал, сданный несколько лет назад, в самый канун Нового года, – просторный, с высокими арочными окнами, строгий и лаконичный.

Народный судья Юрий Николаевич Пушкин возвращался с семьей домой.

Глава 1 «Наш Маресьев»

Город жаждал крови. Точнее – смертного приговора. За жестокое преступление: убийство женщиной другой женщины. Стало быть, требовал справедливости. Об этом судачили дома, в транспорте и на работе, в рядах Крытого рынка. Везде.

Всякое, конечно, бывало: и грабежи со смертельным исходом, и трагическая бытовуха по пьяной лавочке. Но такие испанские страсти в городе прежде не происходили.

Или, быть может, они просто не становились достоянием всех и каждого, проходя лишь в закрытых милицейских сводках, ложась на столы высоких начальников.

Вокруг убийства молотком, как его прозвали в городе, крутились разговоры в густой толпе, собравшейся неподалеку от областного суда. Стражи порядка оцепили подходы к зданию суда.

Будь на календаре Первомай или День Победы – другое дело, но чтобы стихийно собраться на улице, такого не было с весны шестьдесят первого. В тот будничнейший день стар и млад, услышав по радио о полете Юрия Гагарина в космос, высыпал на Центральную площадь столицы Кузбасса.

Ликованию не было предела.

Но тут жестокое преступление, ставшее достоянием самой широкой общественности. Первым о нем узнали в милиции, затем в больнице, куда доставили убийцу.

Как водится, сарафанное радио быстро оповестило весь город, и началось!

Чего только не говорили... «Слыхали, в городе завелись женщины-маньяки, – судачили на рынке, – они ходят по квартирам и бьют свои жертвы молотком по голове».

Чтобы не плодить дикие, невероятные слухи, в обкоме решили дать краткую, выверенную информацию о том, что же произошло на самом деле. Ее дозированно и точно довели до общественности через партийные и профсоюзные организации в учреждениях и на предприятиях.

Показался светлый «Москвич»-412. Его тормознул сотрудник Госавтоинспекции. Взяв под козырек, он о чем-то коротко переговорил с водителем, после чего сделал разрешающий жест, и машину пропустили за оцепление.

Как-то давно старшина Нечаев первый раз остановил этот самый «Москвич». Автомобиль был необычный, с ручным управлением, за рулем – представительный мужчина.

– Сейчас, старшина, сейчас, – степенно ответил водитель на просьбу предъявить права. Он снял авиационную, с длинным раструбом, черную кожаную перчатку и двумя толстыми то ли пальцами, то ли обрубками извлек из кармана портмоне.

Взяв его, старшина цепко скользнул взглядом по служебному удостоверению народного судьи, партбилету, документу участника Великой Отечественной войны, а затем раскрыл корочку шофера-любителя.

– Не знал, извините, – старшина вытянулся, козырнул и возвратил документы.

Не удержавшись, спросил:

– Война?..

– Она самая.

– Добрых вам дорог, товарищ Пушкин.

Так фронтовик Нечаев, дошедший со своей стрелковой дивизией до Кёнигсберга, впервые увидел другого фронтовика – Юрия Николаевича Пушкина.

В глазах у старшины стояли слезы.

Он, конечно, не знал, как ночами, сидя в «Москвиче» с выключенным зажиганием, Пушкин поначалу просто привыкал к рулю, как за городом, подальше от чужих глаз, он тренировался ездить по проселочным дорогам.

И уж конечно, старшина не предполагал, что автомобиль был выдан по распоряжению не городских инстанций, а Совета Министров СССР.

Да и автоинспекция не сразу оформила водительское удостоверение. Конечно, трудно упрекнуть товарищей из ГАИ – случай-то необыкновенный!

Два часа ездили с Пушкиным работники квалификационной комиссии. И два часа водитель послушно выполнял все требуемое от него. Но теперь любой может убедиться, что владелец «Москвича» прекрасно им управляет.

Вскоре все без исключения сотрудники ГАИ в городе хорошо знали и автомобиль народного судьи, и его же трехколесную мотоколяску К1Б.

Сегодня Пушкин ехал на работу: вершить правосудие. И весь город, как и старшина Нечаев, ожидал одного только решения: высшей меры наказания.

Автомобиль проехал.

– Подскажите, а кто это? – осведомился пожилой мужчина в очках-пенсне, старомодной фетровой шляпе и костюме-тройке. Спросил не кого-то конкретно, а вокруг себя.

Откликнулся гражданин предпенсионного возраста, по виду – мастеровой:

– Да это же судья наш, Пушкин! Не узнали?

Пенсне блеснуло:

– Верно, верно... Не узнал. Вот пусть Пушкин рассудит. Но чтобы все по закону было.

В разговор встряла энергичная дама:

– Вышку! Непременно! Такие, как она, семьи разрушают. Любовница... с молотком наперевес.

Ей ответила миловидная особа в беретке:

– Ну, а что – любовница... В жизни, знаете ли, всякое бывает. Но вот если любовницы будут врваться к женам и убивать их, то это конец всему.

– Конец – всему делу венец, – заржал чисто конь мастеровой, скаля зубы.

– Вот вы, кобели, все о своем, – возмутилась дама, – а не мешало бы и вас спросить, как так получилось, что любовница жену убила.

– А я тут при чем?

– Да при том!

– А вы не горячитесь, гражданочка, – примирительно сказал мужчина в пенсне. – Кому надо, тот спросит. Видите – судья поехал, Пушкин. Уж он-то разберется.

– Да, мужик принципиальный, – подтвердил мастеровой. – Ему никто не указ. По закону судит, по совести. Фронтвик! Герой, как летчик Маресьев.

– Тот, уважаемый, без ног, а наш еще и без рук, – веско уточнил мужчина в пенсне.

– Страсть-то какая, – всплеснула руками миловидная женщина. – Если из ада вернулся, то и черти не страшны.

Черти промолчали. Старшим было сейчас не до того: они собрались вокруг судебного присутствия, ожидая обильной кормежки эмоциями, а тут, в толпе, шарилась всякая рогатая мелочевка.

На дворе ранняя осень.

В Кемерове, как и положено, она пахнет углем.

Но Рудничный бор, что высится на правом берегу реки Томь, в черте города, наполнен запахами заповедной тайги. Сосны, сосны... Кусочек полудикой природы.

Тяжелым выдался шестьдесят восьмой год в мире...

Бурная Пражская весна. Попытка Запада отколоть Чехословакию от Москвы, накал страстей и ввод войск Варшавского договора на территорию ЧССР.

«Красный май» в Париже против президента Шарля де Голля, взявшего курс на независимость страны от США и долларовой финансовой системы.

На поверхности – выступления левой молодежи с портретами Троцкого, Че Гевары и Мао Цзэдуна, баррикады, массовые беспорядки и всеобщая забастовка. Столкновения классических левых идей с новыми радикальными течениями.

По политике де Голля и его Третьему пути (между либеральным капитализмом и коммунизмом) нанесен смертельный удар.

Заговор ФБР и гибель проповедника Мартина Лютера Кинга – борца за права негров и организатора массовых протестов против войны США во Вьетнаме.

Убийство сенатора Роберта Кеннеди, кандидата на выборах от Демократической партии и без пяти минут президента США, – преступление, списанное ФБР на стрелка-одиночку, эмигранта из Палестины.

Победа на выборах республиканца Ричарда Никсона.

Год беспокойного солнца. И трагическая развилка всей мировой истории.

Глава 2

Разбитые окна

Народ до отказа заполнил зал областного суда: общественники, представители трудовых коллективов, партийные, комсомольцы, профсоюзные работники. Тихо переговариваясь, все с нетерпением ожидали начала заседания.

– Прошу встать! Суд идет! – подала команду секретарь суда Феоктистова.

Вот и судья Юрий Николаевич Пушкин. Крепкого телосложения, представительный, на костылях, с ним два народных заседателя, мужчина и женщина: Гончаров и Василец.

Пока судейские рассаживались, их равнодушно оглядела подсудимая Антонина Ларичева. Без косметики, посеревшая. Глаза большие, красивые, но отрешенно-пустые, словно разбитые окна в брошенном доме.

В подсудимую враждебно вглядывался зал. Но подсудимая не ощущала этой враждебности, не видела осуждающих взглядов, ей было абсолютно все равно.

Единственные, кто проявил к Ларичевой хоть какое-то сочувствие, были женщины в камере:

– Желаю тебе, Тоня, поскорее оказаться на зоне, – пожелала ей рыжая деваха Васька, в драке пырнувшая ножом сожителя. – Поверь мне: там какая-никакая, а все-таки жизнь, а тут, в камере, одна сплошная маета.

Но что это? Ларичева встрепенулась. У судьи нет кистей! Вместе них два больших пальца, которыми он ловко раскрыл папку и принялся перебирать листы.

Мельком она вспомнила про военного летчика Алексея Маресьева, который с раздолбленными ступнями, зимой, в лютый мороз, восемнадцать суток полз по лесам и болотам к своим! И как потом, освоив протезы, добился возвращения на фронт и снова сражался, сбивая фашистов.

О нем, Герое Советского Союза Маресьеве, Ларичева читала в романе Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке», по которому писала школьное сочинение. В романе, правда, у героя фамилия чуть изменена, но это не имеет значения.

«Однажды Комиссар нашел статью об одном русском летчике, который смог летать без ступней ног, и подал прочитать ее Алексею.

“Здесь про тебя написано”, – пробасил он. Мересьев прочел заметку несколько раз и задумался над ней. “Прочел?” – хитро спросил Комиссар. “Но у него не было только ступней”, – возразил Алексей. “Но ты же советский человек!” – воскликнул Комиссар.

Алексей думал об этом всю ночь, а утром решил: “Буду! Буду летать! Ведь я советский человек!”

Комиссар умер неожиданно. С ним прощались со всеми воинскими почестями на артиллерийском лафете, играл военный оркестр. “Хлопцы, кого хоронят?” – спросил кто-то. “Настоящего человека...” Лучше и нельзя было сказать. И Алексею очень захотелось стать настоящим человеком, таким же, как и Комиссар.

Читая этот отрывок, хочется быть похожим на Комиссара. Обладать его огромной силой воли, выдержкой, любовью к людям, к Родине. Это был настоящий советский человек, который Мересьеву и многим другим людям помог поверить в себя».

Так написала Тоня Ларичева в своем сочинении. За него она получила оценку «отлично».

А теперь она – убийца, теперь она – на скамье подсудимых, под караулом. Хорошо, что не в наручниках. Впрочем, какое это теперь имеет значение?..

Ее оживление при виде странных, искалеченных рук судьи Пушкина длилось недолго, и вскоре подсудимая вновь погрузилась в себя. Казалось, происходящее Ларичеву интересует мало или не интересует вовсе.

...Одно из прежних громких дел, что довелось вести Пушкину, убийство офицера Национальной народной армии Германской Демократической Республики, учившегося в Советском Союзе на военных курсах.

Дело могло принять политический оборот, вызвав скандал между двумя союзниками, СССР и ГДР. Но Юрий Николаевич, досконально во всем разобравшись, установил: преступление совершено пьяным ублюдком, которого подбил на это подельник – спекулянт, вор и грабитель.

– Скажи мне на фронте, что я стану судьей и буду защищать убитого немца, не поверил бы, – сказал Пушкин жене, придя домой. – Но то были гитлеровцы, фашисты, а это наш немец, наши немцы, союзники.

– А если бы это был гражданин ФРГ?

– Да, ты права... – ответил Пушкин, – закон перед всеми один. Во всяком случае, так должно быть.

И вот новый громкий процесс.

Судья открыл судебное заседание.

– Слушается дело по обвинению гражданки Ларичевой Антонины Семеновны, тридцатого года рождения, проживающей в городе Кемерово, ранее несудимой.

Голос у Пушкина красивый. С такими данными на эстраде выступать. Хотя, конечно, одно другому не помеха: и суд вершить, и джаз любить.

Так начался этот процесс, за которым следила вся область. Возмущение было столь велико, что от судьи Пушкина ждали одного: вынесения смертного приговора.

То там, то тут разгорались огни народной инициативы: трудовые коллективы принимали обращения в суд, требуя суровой кары, и никто специально не направлял общественное мнение. Оно сформировалось само собой.

Страсти бушевали на улице, возле здания суда, где собирались толпы горожан.

Закончив с обвинением, выслушанным залом в густой тишине, судья закрыл папку и обратился к подсудимой:

– Гражданка Ларичева, обвинительное заключение вам понятно?

– Да, понятно.

– Вину свою признаете?

– Признаю.

– Имеются ли какие-нибудь ходатайства?

– Нет, не имеются.

– Садитесь, обвиняемая.

Словно в пинг-понг сыграли – шарик туда, шарик сюда.

Ларичева осела, опустив каштановую голову. Она, очевидно, хотела одного – чтобы все это поскорее завершилось.

В какой-то момент подсудимая перестала слышать сперва голос Пушкина, затем государственного обвинителя, а вернулась к реальности только после слов:

– Слово предоставляется защитнику – товарищу Падве Генриху Павловичу.

Со своего места, словно пружина, поднялся молодой мужчина – чернявый, с умными, пронизательными глазами, небольшими усами и испанской бородкой.

Генрих Павлович – коренной москвич, выпускник Московского юридического института и исторического факультета Калининского педагогического вуза.

Свою адвокатскую практику Падва начал в год смерти Сталина, в пятьдесят третьем. Сначала стажировка в Ржеве, еще стоявшем после войны в руинах, потом самостоятельная работа единственным адвокатом в райцентре Погорелое Городище. Затем Лихославль, Торжок.

Теперь Падва уже работает в самом городе Калининe, по-старому – Тверь, но вот почему-то оказался на процессе в далекой для него Сибири.

Все ждут его выступления.

– Уважаемый судья! Товарищи народные заседатели! – начал Генрих Павлович, и в его глазах загорелся огонечек профессионального азарта. – Государственный обвинитель потребовал высшей меры наказания для моей подзащитной. Но это была обоюдная трагедия, и я постараюсь показать, в каком отчаянном положении находилась Ларичева.

Та, вздохнув, перевела взгляд на большие настенные часы: тик-так, тик-так!

Скорее бы в камеру, а там – в тюрьму.

– Хочу обратить внимание, – продолжал адвокат, – что на иждивении моей подзащитной находятся двое несовершеннолетних детей – сын Егор шестидесятого года рождения и дочь Дарья пятьдесят восьмого года рождения.

Муж – Ларичев Роман Егорович, горняк, погиб в 1962 году в результате взрыва метана на шахте.

Детей Ларичевой в настоящее время взяла на воспитание мать подсудимой – Брайцева Елена Ивановна. Пенсионерка. Тысяча девятьсот десятого города рождения.

В этот момент перед глазами Пушкина на мгновение возникло дорогое ему лицо, возникло и пропало.

Бабушка Оля давно уже дожидалась внука Юру за Калиновым мостом.

Глава 3

Свободный бур

Знаменитого живописца Коровина Пушкин считал родней по причине его фамилии. Сам Юра был из приволжской деревни Коровино – то костромской, то нижегородской, в зависимости от решения советских властей.

Мать Юры, промучившись ночь, февральским утром двадцать третьего года разродилась первенцем, и здесь, в отцовской бане, богатыря приняла повитуха.

От умершего отца Юре осталась подшивка дореволюционного иллюстрированного журнала «Нива», не раз писавшего о первом русском импрессионисте.

О «буржуазном художнике» Коровине, бедовавшем в Париже, советская пресса хранила молчание, но Юра, зачитав подшивку до дыр, знал о нем с детства.

Знал и гордился «родством».

Небольшая деревня, укрытая хвойными лесами, с вековыми тополями, перелесками и речушкой Ворос, пересыхавшей жарким летом.

Недалеко город Мантурово, районный центр, и полноводная Унжа, приток Волги. В ее тихих заводях руками ловили щук. Помутишь воду ногами, высунется зубастая, а ты ее за жабры хвать! Прибыток для семьи.

Воспоминания детства... Уже зима. Но крепкие морозы пока что в пути. Просторная, чистая горница. Вокруг стола – девушки и женщины с прялками.

Запахи печки, сушеных трав.

Бабушка Оля поправляет керосиновую лампу, свисающую с потолка.

– Ну что, – усмехается Марья, одна из девушек, – ушли на паживу все наши мужики, так и лампу некому наладить. Вона как нещадно коптит.

– Ничего, вернутся с деньгой, – отвечает бабушка Оля. – И тебя, краса-девица, наладят, а пока что ходи в невестах. Потом будешь вспоминать, поймешь, какое у тебя сейчас времечко золотое. А керосинка коптит... Так что ж? Потому что без стекла: керосин надоть беречь.

Маленький Юра и его братик Колька лежат на печи и смотрят, как бабушка Оля регулирует пламя.

Закончив с керосинкой, она берется за деревянную миску с горкой аппетитной репки, достает одну, что поменьше, и аккуратно очищает ее ножиком.

– Бабушка Оля, – просит Марья, – расскажи нам сказку.

– Сказка от начала начинается, до конца читается, посередке – чур не перебивается. Про что вам?

– Про любовь! Про любовь! – с жаром просит Марья, блестя глазами.

Очистив репку, бабушка Оля разрезает ее пополам и неспешно солит.

– О как тебя, девонька, разбирает! Нет, я вам сегодня про битву на Калиновом мосту расскажу.

У Марьи делается недовольное личико.

– Погодь, еще налюбишься... Было это в стародавние времена. В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею. Детей у них не было. Горевали они, горевали... И стали Бога молить, чтоб детей Он им послал.

Колька на печи заснул, сладко посапывает, а Юра вострит ушки, слушает.

– Во сне им привиделось, – ведет сказ бабушка Оля, – что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруду златоперый ерш плавает. Коли царица его скушает, то родит непременно.

– От ерша? – удивилась Марья. – Ну точно от ерша дети не родятся.

– А от чего, краса-девица? – насмешливо глянула на нее бабушка Оля. – Расскажи!

Та залилась краской.

– А ну цыц! – прикрикнула сказительница. – От кого надо, от того и родится, – она хрустнула репкой. – Ну так вот, проснулись царь с царицею, кликнули к себе мамок и нянек, рассказали им свой сон. Те рассудили: что во сне привиделось, то непременно сбудется. Царь-государь призвал рыбаков, больших и малых, и строго-настрога наказал поймать ерша златоперого.

...В детстве о Юре заботились главным образом бабушка Оля и дед Сергей. Отец Николай Сергеевич, работавший счетоводом на Мантуровском фанерном заводе, умер, когда мальчику было три года. А тут еще братик родился, Колька.

Мама Анна Ивановна спозаранку трудилась то в поле, то на огороде. А потом уехала в Мантурово, где устроилась на работу и наладила свою личную жизнь. Дома бывала редко, наездами. Но деньги присылала регулярно.

Внуками в Коровино занимались дед с бабкой.

Бабушке Оле, Ольге Сергеевне, шел седьмой десяток, но она была пушкинской породы: статная, сильная, выносливая, такая же кареглазая и курносая, как и Юра.

В трудные годы она воспитала сыновей, но одного не стало... Ушел за Кáлинов мост. И вот теперь всю свою любовь бабушка Оля перенесла на внучат.

Воспитать – это значило, по понятиям людей ее лет, «кормить и одевать до возраста», но она учила внуков и наставляла всему, что в жизни потом очень пригодилось.

В Юре бабушка Оля выискивала черты своего старшего сына и находила их с радостью.

– Хара2ктерный, – отзывалась она о маленьком Пушкине. Но также жаловала и младшего, Кольку.

Юра любил бывать у бабушки. Лежа в постели, она рассказывала ему сказки, растягивая надолго даже самые короткие. Устав за день от нелегкой работы, бабушка иногда вскоре засыпала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.